

Концепт свобода в русской и арабской лингвокультурах (семантико-когнитивный анализ)

Ашраф Мухаммед Аттия

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Аннотация. Одним из ключевых концептов когнитивной лингвистики нашего времени является концепт свобода. Концепт свобода с семантико-когнитивной точки зрения претерпел в последние годы большие изменения, связанные с психологическими и ментальными ориентирами носителей разных культур, что расширило его семантико-синтаксические возможности. В настоящей статье предпринимается попытка анализировать языковые средства, которыми представлен концепт свобода в русском и арабском сознании.

Каждый естественный язык характеризуется определенным способом восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, представлений и сценариев. Эти представления отражают сознание и образ мышления носителей данной культуры. Будучи основным механизмом исследования того, как хранятся знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации, концепт рассматривается как важнейший объект когнитивной лингвистики. Их совокупность образует соответственно «концептосферу культуры» и «концептосферу языка» [1, 3].

В последнее время вопрос о свободе вышел на первый план в общественно-политической жизни людей. События арабской весны, с одной стороны, лишней раз актуализировали этот вопрос в арабском мире со всеми его проявлениями. С другой стороны, став образцом для многих народов, эти события вызвали аналогичные действия в других странах мира. Свобода в настоящее время - наиболее употребительная лексема в арабском языковом узусе. Все классы общества говорят о свободе. Все требуют свободы. Многие идут на смерть во имя свободы. Между тем свобода не может считаться единым идеалом для всех сообществ. Каждая культура выставляет свои «параметры» концепта свободы.

Термин «концепт» прочно утвердился в современной лингвистике. Исследованием его занимаются Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др.

В лингвистической литературе существуют разные определения концепта. По мнению Ю.С. Степанова, концепт - это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2, 13]. В.Н. Телия также считает, что «концепт - это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии» [3, 6]. Концепт, как пишет Е.С.Кубрякова, - «это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4, 90]

Р.М. Фрумкина определяет концепт как «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры» [5, 6].

Отсутствие единого определения связано, по мнению В.А. Масловой, с тем, что «концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре». При этом она также предлагает такое определение концепта: «Концепт - это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и от-

ражают культурно-национальные представления человека о мире» [6, 50].

Из приведенных выше определений можно констатировать, что концепт – это сумма ассоциаций, оценок, представлений носителей той или иной культуры об объекте действительности. Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, определенную схему сценариев и коннотаций, а языковые знаки кодируют в слове содержание этой системы.

Концептуальный подход дает возможность рассмотреть идеальные «ментальные сущности с точки зрения лингвистики, ибо он создает обобщенный образ слова, объективизируя модель сознания» [6, 174]. В каждой культуре можно выделить, свойственную ей систему концептов, выражаемых ключевыми словами и образующих познавательный мир данного сообщества. Для русской культуры, по мнению ряда ученых, наиболее присущими являются концепты «Воля», «Свобода», «Истина», «Ложь», «Правда», «Дружба», «Счастье», «Совесть» и т.п. [См. 2; 6; 20]. А наиболее рельефными в арабской культуре, как нам представляется, являются концепты «Судьба», «Фитна» (русское – «Смута»), «Семья», «Свобода», «Дружба», «Любовь» и др.

При этом необходимо подчеркнуть, что концепт *свобода* - многоаспектный и весьма сложный, поэтому мы не претендуем на охват всего спектра проблем (психологических, философских, политических, социальных, религиозных и других) этого концепта постольку, поскольку подобные проблемы решаются в работах другого характера и профиля. Здесь предпринимается попытка на материале русской и арабской (главным образом египетской) публицистики осмыслить с помощью семантико-когнитивных методов общественное поведение представителей русской и арабской культуры, связанное с пониманием ими концепта свободы, и как данное понимание находит свое отражение в двух языках.

О свободе писали и пишут философы, богословы, политологи и праведы. Свобода – один из главных вопросов европейской философии (в том числе и русской), осознание и толкование которого наиболее полно осуществлено в классической немецкой философии – в трудах И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля и др. Свобода как сущность человека была продолжена русской философией Серебряного века, работами В. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Шестова и др.

В арабской культуре свобода была одним из наиболее обсуждаемых вопросов в работах многих арабских мыслителей, писателей и поэтов (Таха Хусейн, Аттаиб Салих, Наджиб Махфуз, Юсуф Идрис, Махмуд Дарвиш и другие).

В центр исследований концептов обычно ставится семантика языкового знака. «Значения слов являются, - по мнению А.А. Леонтьева, - важнейшими образующими сознания: именно в них дана преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений» [7, 141]. Н.М. Петровых также пишет: «Анализ словарного отражения и воплощения концепта необходим, поскольку система дефиниций в словарях дает исследователю культурных концептов нити к познанию сущности народного сознания, специфики наивной картины мира. Интерпретация словарных определений позволяет выявить обобщенный прототип концепта, его содержательный минимум, что создает базу для дальнейшего изучения концепта» [8, 10].

Для установления характера такой интерпретации в русской лексикографической традиции используются толковые словари русского языка В. И. Даля (далее СД), Д. Н. Ушакова (далее СУ), С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ), четырехтомный академический словарь (далее МАС) и толковый словарь конца XX в. под редакцией Г.Н. Складневской (далее ТСС). Для выяснения значения данной единицы в арабском языке применяются такие лексикографические произведения, как Тадж Аль-а' рус (далее ТА), Мухтар Ассихах (далее МА), «Лисану Аль-араб (далее ЛА), Аль-камус Аль-Васит (далее АВ), Арраид (далее АР).

В СД *свобода* трактуется так: «своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода - понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящемуся, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству» [9, 814].

в СУ *свобода* приводится с такими значениями: «1. только ед. возможность проявления субъекта своей воли (см. воля в 1 знач.); 2. только ед. положение, при котором отсутствуют ограничения и стеснения, связывающие общественно-политическую жизнь и деятельность какого-нибудь класса или всего общества» [10, 711]

Свобода согласно МАС толкуется как многозначное слово: «1. Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости... 2. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-л. класса или общества в целом... 3. Отсутствие крепостной зависимости, рабства... 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе... 5. Личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого-, чего-л. или связи с кем-, чем-л. мешающим, стесняющим... 6. *чего* и *с неопр.* Возможность действовать в какой-л. области без ограничений, запретов, беспрепятственно... 7. Легкость, отсутствие затруднений в чем-л... 8. Непринужденность, отсутствие связанности» [11, 623].

В СОШ исследуемая единица толкуется так: «1. В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. 2. Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов. 3. Вообще – отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чем-н. 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» [12, 704].

В ТСС *свобода* интерпретируется так: «1. Возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями; отсутствие зависимости; 2. Отсутствие ограничений, запретов. Духовная с. С. мысли» [13, 820].

Итак, семема слова *свобода* в русской лексикографии, с одной стороны, объединяет семы «простор», «самоволья», «самостоятельность», «независимость», «отсутствие ограничений», «отсутствие стеснений», с другой - значение лексемы *свобода* содержит в себе сему «ограничение», «рамки» (законы природы и общества). Легко заметить, что во всех перечисленных лексикографических работах приводятся весьма схожие определения. Их инвариант – центральная часть толкования В. Даля: Свобода – «отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле».

В арабских словарях данная единица приводится не с последовательностью. Так, в словаре ТА *свобода* не имеет собственной словарной статьи, но приводится глагольное имя (Масдар), обозначающее действие «освобождение – *تحرير*»:

"التَّحْرِيرُ لِلرَّقَبَةِ: إِعْتَاْفُهَا. وَالْمُحَرَّرُ الَّذِي جُعِلَ مِنَ الْعَبِيدِ حُرًّا فَأَعْتَقَ... " [14, 2681].

(Освобождение раба означает освободить от рабства и освобожденный – тот из рабов, кто стал свободным, вольным).

В МА и ЛА интересующая нас единица понимается так: «(حُرِّيَّة) بِالضَّمِّ مِنْ حُرِّيَّةٍ» (Свобода от благородного происхождения...; освобождение человека – освобождение его от рабства).

В словаре АВ *свобода* приводится со значением:

"(الحرية) الخلوص من الشوائب أو الرق ... وكون الشعب أو الرجل حرا و (في الاقتصاد) مذهب اقتصادي يرمي إلى إعفاء التجارة الدولية من القيود و الرسوم " [17, 394]

(Свобода - избавление от примесей или рабства... и, когда человек или народ становится свободным. В экономике – экономическое течение, направленное на освобождение международной торговли от ограничений и пошлин).

В словаре Арраид *свобода* интерпретируется так:

"الحرية 1- مص. حر بحر. 2- القدرة على التصرف بملء الإرادة والخيار. 3- الخلوص من العبودية أو اللوم أو نحوهما. 4- من القوم: أشرفهم. 5- الأرض اللينة الطيبة الصالحة للزراعة. 6- "حرية التجارة": مبدأ اقتصادي يرى أن تترك التجارة حرة طليقة من كل قيد" [Ar, 299-302].

(Свобода – ... 2- возможность действовать по своей воле и своему выбору...6- «Свобода торговли»: экономическое направление, предусматривающее сделать торговлю свободной без каких-либо ограничений»).

Итак, в арабском языке семема слова *свобода* включает такие главные семы, как «чистота», «благородство», «освобождение от рабства», «снять ограничения на торговлю». На первый взгляд может показаться, что арабский концепт *свобода* по лексикографической интерпретации не соответствует русскому, что «арабская» свобода имеет более узкое содержание, чем русская. Обращает на себя внимание, что свобода в арабском концепте связана прежде всего с освобождением от рабства, а общественно-политический и личный аспекты свободы не так ярко присутствуют в концепте. Свободу в современном его понимании можно наблюдать в экономическом составляющем данного концепта (См. AP и AB). Однако если обратиться к арабской ультуре, обнаруживаем, что в культуре функционируют другие слова, синонимичные слову *свобода* и

раскрывающие его современное понимание, отражаемое русскими словарями, например, «Воля», «Выбор», «Право» и т.д.

Интересно заметить, что современное состояние семантической структуры лексической единицы *свобода* в целом адекватно исконному. В этимологическом словаре М. Фасмера находим:

«**Свобода** <...> // Праслав. *sveboda, sveboda* “свобода” связано с цслав. *свобство, собство* “persona”, где *svob* от *svoj* (см. свой), т. е. ‘положение свободного, своего члена рода’, далее сюда же др.-прусск. *subs* “сам, собственный” [19, 582].

В связи с этим весьма знаменательно то, что во всех анализируемых русских словарях *свобода* толкуется с употреблением слов *стеснять* или *стеснение*, производных от *тесно*, будто бы «русская» свобода, как отмечает А. Вежбицкая, состояла в «освобождении» из своего рода смиренной рубашки, материальной или психологической [20, 235], напр. «... *Задача состоит в том, чтобы не мешать, не стеснять свободу, не позволять играть не по правилам сильному...*»; (<http://www.ng.ru/> 14.04.2006), «... *не может пробиться через ее хаос и произвол. Государство – это всегда стеснение свободы и одновременно обуздание зла и произвола* (<http://exlibris.ng.ru/> 14.09.2006).

Если русский концепт *свобода*, по словам А. Вежбицкой, «соответствует образу распеленутого ребенка, испытывающего удовольствие от того, что он может двигать ручками и ножками без каких-либо ограничений» [20, 235], и основывается на отсутствии ощущения какого-либо внешнего давления, то арабский концепт *свобода* сосредоточен прежде всего на отсутствии зависимости от кого-л., на том, что человек – не раб и обладает самоволием.

Будучи не постоянным феноменом, концепты изменяются, уточняются, дополняются. Сравнивая концепт *свобода* в арабской культуре прежних времен и в период после арабской весны, мы находим большие различия. Если в прежние времена понимание свободы было связано с освобождением человека от рабства, затем с идеей о независимости, то в период после приобретения независимости свободу стали представлять как свободу слова, свободу мнения, свободу выбора, отсутствие политического гнета [21, 12-16]. После арабской весны понимание свободы, которая была одним из лозунгов всех

арабских революций, стало иметь различные проявления: свободу стали понимать как отсутствие любых ограничений на действия человека, как любое беспрепятственное поведение человека, даже если это поведение ущемляет права и свободы других.

Такие изменения в концептуальной системе, обусловленные прежде всего психологическими и ментальными факторами, накоплением опыта и новых знаний, переменами в сознании людей, имели свое влияние и на валентность лексемы *свобода* и способствовали появлению новых семантико-синтаксических конструкций: «свобода собраний - حرية الاجتماع», «свобода митинга - حرية التجمع», «поезд свободы - قطار الحرية», «свобода выражения - حرية التعبير», «автострада свободы - حرية التسيير», «свобода передачи информацией - أو توتراد الحرية», «свобода передатки информации - فجر الحرية - حرية تداول المعلومات», «академическая свобода - الحرية الأكاديمية», «ветерок свободы - حرية نسيم الحرية», «свобода мысли - حرية الفكر», «свобода шествий - حرية المسيرات», «свобода манифестаций - حرية الاحتجاج», «свобода ассоциаций - حرية إنشاء الجمعيات» и т.п.

Обращает на себя внимание то, что некоторые из этих сочетаний используются для выражения данного концепта и в русском языке. Однако такие образования, как:

"ветерок свободы - نسيم الحرية", "поезд свободы - قطار الحرية", "заря свободы - فجر الحرية", "автострада свободы - أو توتراد الحرية", употребляемые для концептуализации арабской свободы не свойственны русскому концепту, они не воспринимаются русским сознанием.

Валентность, по мнению З.Д. Попова и И.А. Стернина, позволяет определить, как представлена *свобода* в сознании представителей двух культур, выявить «способ категоризации концептуального явления» [22, 98], т.е. раскрыть ассоциации и коннотации данного концепта.

Так, сочетаемость слова *свобода* показывает, что русское сознание концептуализирует свободу как «птица», «свет», «демократия»: «*Границы меры определялись словом и образом, которые выпускались на свободу, как птицы из клетки...*» (<http://exlibris.ng.ru/>, 25.03.2010), «*Птица как символ свободы и стремительности, хищности и глупости... - вот далеко не полный набор важных метафор...*» (<http://exlibris.ng.ru/fakty>, 04.08.2005); «*Понял теперь я: наша свобода. Только оттуда бьющий свет...*»

(<http://exlibris.ng.ru/subject>, 04.11.2004), «...Эти атаки были нацелены на Америку, потому что мы представляем собой сияющий свет свободы...» (<http://www.ng.ru/world/>, 13.09.2001).

У русских свобода ассоциируется также с «выбор», «независимость», «воля»: «Выборы и митинги – важный элемент демократии и свободы» (<http://www.ng.ru/politics>, 10.02.2012); «В Тбилиси умерла Софико Чиаурели, народная артистка Грузии... В ее ролях всегда был тот самый второй план, та «горская» независимость, которая воспринималась как внутренняя свобода» (<http://www.ng.ru/culture> 03.03.2008); «Каждый из нас свободен сам по себе и свободен в своем выборе. А свобода гражданина – это независимость всей страны» (<http://www.ng.ru/regions> 13.12.2006).

Свобода в русском сознании представляется как «нечто святое, ради которого можно бороться и пожертвовать жизнью»: «несмотря на сопротивление со стороны властей и бюрократии, за свободу и достойную жизнь необходимо бороться, (Москва призвал его участников совместно бороться «за вашу и нашу свободу»» (<http://www.ng.ru/historyday>/2009-04-10/12). Такое же представление мы наблюдаем и в арабской лингвокультуре:

"فقد وقر في أذهاننا أن ثمن الحرية هو فقط أرواح الشهداء التي ندفعها للتحرر من جلاييننا أو هي آلام الجرحى والذين يفقدون جزءاً من أجسادهم لنيل الحرية ومنحها لشعوبهم" (الأهرام 22.06.2011).

Свобода в арабском сознании понимается и как «нечто божественное, которому преподносятся жертвоприношения»

"هذه التضحيات ليست هي ثمن الحرية... وإنما هي قرابين نقدمها على مذبح الحرية" (الأهرام 22.06.2011).

Свободой в арабской культуре можно «заразиться»:

"فإن ما يحفل به عالم اليوم من قدرات وآليات حديثة ومتعددة للتواصل البشري بين المجتمعات.. خاصة بين الشباب, يجعل تلك العدوى وذلك التأثير أكبر بكثير مما كان في الماضي. وأنه بالقطع عدوى مفيدة مطلوبة: عدوى الصحة لا المرض, عدوى الحرية لا الاستبداد..." (الأهرام 4.05.2011).

Вполне очевидно, что сема «заражение свободой» появилась у исследуемой единицы на фоне событий арабской весны, когда чередовались они из одной стороны в другую как вирус, передающийся от одного человека к другому.

Свобода у арабов имеет «вкус» и дает свой «аромат»:

"ما هي إلا ليلة أخرى تسقط ورقة عام وتبدأ ورقة عام آخر... هي ليلة الحرية بطعم الياسمين والريحان و«مشموم» بلادي" (الشروق 04.01.2012); "...ورأوا الانتخابات وانتشارها في أنحاء وطنهم وتفتح أعينهم على نسائم الحرية التي لم يذوقها أبائهم لسنين طويلة..." (الشروق 12.01.2012).

Свой «вкус» имеет и «русская» свобода: «...а оценившие вкус свободы местные жители повсюду проявляют народную волю...» (<http://www.ng.ru/2011-08-18>).

В арабской лингвокультурной среде, как и в русской, свобода объективируется как «свет», «воля», «выбор», «независимость», и нередко сочетается с этими единицами:

"... كان شيخ ديكتاتورية من نوع آخر بدا يطل بظلامه ويحجب نور الحرية الذي انبثق فجر الثورة" (الأهرام 8.12.2011); "الحرية إرادة واستطاعة وعندما أقدر على ما أريد فتلك حريتي" قالها «فولتير» (الأخبار 26.04.2010); "... دور الحاكم في الليبرالية هو ضمان حق الفرد في الحرية والاختيار، بما لا يتعارض مع الصالح العام" (الشروق 14.11.2011); "... التمتع بدرجة مناسبة وكافية من الحرية والاستقلال عن السلطة التنفيذية المركزية بالنسبة إلي كل ما يتعلق بإدارة الشؤون المحلية" (الأهرام 06.08.2011).

Свобода в русском и арабском концептах необходима человеку, ибо без нее он не может жить: «... Вот о чем мечтали романтики. Человеку нужна свобода. Вот о чем мечтали либералы» (<http://www.ng.ru/culture/2001-11-22/8>); "ولكن الأمر بالنسبة لي كان قد حسم فلن استطيع الحياة بدون حرية أو التعبير عن رأيي بدون قيود" (الأهرام 16.02.2011)

К тому же свобода в двух культурах представляется как живое существо, по отношению к которому можно выступать карательным образом, и задушить его: «Задушить свободу слова можно разными способами» (<http://www.ng.ru/2008-05-21>), «... Но чем больше США стараются задушить свободу слова, тем больше растет наша решительность» (<http://nvo.ng.ru/wars/2002-07-19>).

"كل من يدعو لحرية الرأي فوضوي. ومن يدعو لإرجاء الخلافات لمصلحة البلاد، فاشستي، يحاول خنق حرية الرأي" (www.akhbarelyom.org).

В таких коннотациях ограничения, выставленные перед свободой, могут превращаться со временем в «орудие, с помощью которого можно задушить и убить свободу».

Концепт *свобода* в двух языках часто рассматривается как «нечто такое, что произвольным дано другим лицом». Как отмечает А. Веж-

бицкая, «...семантический профиль слова *свобода* можно связать с политической системой России: деспотизм царей, отсутствие демократических структур или действенной правовой системы ... значение произвольно осуществляемой власти и желание ускользнуть от этой власти и т.д. [20, 239]: «... добровольно ограничивал и ослаблял бы свою власть, чтобы дать людям свободу. Не было правителей, которые сознательно разрушали бы империю, в которой они властвовали, чтобы дать свободу народам» (<http://www.ng.ru/2011-03-01>). Данное обстоятельство присутствует еще ярче в арабском концепте, что можно объяснить тем фактом, что долгое время свобода человека в арабском обществе была лимитирована. Она давалась в той мере, какой желал правитель:

"لا فصل بين السلطات ولا ضمانات للحياضية والعدالة ولا حريات حقيقية إلا ما يمنحه الحاكم ولا آلية لمساءلة السلطة التنفيذية المتغولة" (الأهرام 25.02.2011).

Интересно отметить, что слово *свобода* также употребляется в двух языках в несколько ином значении – легкость, плавность, уверенность, непринужденность», например, *تحدث بحرية*, *استudent*, *بحرية*, *كتب بحرية*, *لعب بحرية*, *تفاوض بحرية* *отвечал со свободой*, *президент со свободой* *провел переговоры*. В таких предложениях слово *свобода* указывает на способ осуществления действия.

Сочетание лексемы *свобода* с такими прилагательными, как *абсолютный*, *безграничный*, *полный*, *неограниченный*, *совершенный*, *безусловный*, *бесконтрольный* и т.п. свидетельствует о том, что свобода в русской языковой картине мира – это не только независимость, суверенитет, отсутствие гнета, запретов, но и отсутствие каких-либо ограничений, возможность поступать по собственному усмотрению.

С другой стороны, в арабской культуре в силу разного рода общественно-политических событий многие стали понимать свободу как «отказ от консерватизма». Если в арабском обществе всегда существовал незаписанный закон о «социальном окружении», которому человек подчинялся, опасаясь искажения своей репутации, то теперь многие стали не обращать внимание на этот закон, на то, как и что про них будут думать другие члены общества, считая, что этот закон – «социальное окружение» – ограничивает свою свободу. Этим объясняются многие «ультрасвободные» проявления и поступки, имевшие место в арабском обществе второй декады XXI

столетия, и, которые до этого считались позорными (сняться обнаженно, публично вести распущенный образ жизни и т.п.).

Следовательно, можно сказать, что свобода имеет помимо положительной стороны еще отрицательную оценку, связанную с переизбытком самой свободы – ассоциации на *произвол*, *хаос*, *беззаконие*, *разгул*, *безответственность*.

"وبدا الحوار حول مفهوم الحرية والفرق بينهما وبين الفوضى. وماهي ضوابط احترام الآخر ودعائم بناء الدولة المدنية التي تتسع لكل الأراء داخل المجتمع الواحد" (الأهرام 17.07.2011); "فليس مفهوم الحرية ألا نحترم القوانين وألا نلتزم بها أو نتصرف بطريقة فردية. ويحاول كل فرد اخذ حقه - كما يراه بيده وبطريقته الخاصة" (الأهرام 03.04.2011).

Концепт *свобода* в русском и арабском сознании предполагает введение законами ограничений как необходимых гарантий обеспечения свободы всех людей и нерушимости личного «мира» каждого человека. Когда мы говорим, что дети пользуются полной свободой, это не означает, что для детей нет никаких запретов и ограничивающих правил со стороны родителей. Таким образом, свобода в любой лингвокультурной среде не может быть абсолютной. В тоже время, когда отсутствуют правила, ограничивающие действия конкретной социальной группы, это ассоциируется уже не со *свободой*, а с *вседозволенностью*, *произволом*. А с другой стороны, усиление запретов понимается как не-свобода, а ослабление запретов как свобода.

Не-свобода ассоциируется в арабском сознании с наличием каких-то ограничений на выбор и волю человека. Не-свобода (антоним свобода) имеет такие коннотации – *контроль*, *гнёт*, *цензура*, *железная рука*, *подавление*, *сильная власть* и т.д.

Здесь возникает вопрос: как различать свободу и несвободу? Для ответа на этот вопрос А. Д. Кошелев вводит понятие «нормативная область выбора - область выбора, которая признана как разумная, справедливая» [23, 63]. Понятие «нормативная область выбора» соответствует распространенному в русском и арабском сознании понятию «красные линии», «рамки свободы»:

«Он согласился играть по правилам системы, но, добиваясь относительной свободы в этих рамках, не застраховался от системного вмешательства, не создал механизма защиты» (http://www.ng.ru/editorial/2011-09-19/2_red.html), «За это время «план» по увеличению степеней

свобод явно непреклонно претворялся в жизнь» (<http://www.ng.ru/politics/2011-12-16>).

"وقد كنا نظن - وحتى وقت قريب - أن الإشاعات تنمو وتتكاثر في المجتمعات المنغلقة على نفسها فقط، والتي يضيق فيها هامش الحرية" (الأهرام 24.12.2011)، "مصر ليست في وضع يسمح لها بأن تتحول إلى ساحة عنف وعدم استقرار وأن هامش الحرية الذي تتمتع به يجب المحافظة عليه" (الأهرام 28.01.2011)، "لقد انتهى وبلا رجعة زمن الخطوط الحمراء ولم يبق منها إلا خط واحد هو الخط الذي رسمته دماء الشهداء" (4.07.2011) "...

Ситуация, в которой область выбора меньше нормативной трактуется говорящим как несвобода, рабство. А ситуация, когда действия человека выходят за пределы нормативной области, характеризуется как вседозволенность, прои́звол (человек слишком себе позволяет).

Именно, различие между понятиями «свобода поведения» и «хаос», «консерватизм» и «развязанность», «сексуальная свобода» и «распу́щенность» обусловлено различием представлений о «нормативной области свободы», «красных линиях» у разных социальных групп. В этом плане представления одной соцгруппы, одного этноса о норме могут не совпадать с представлениями другой соцгруппы или этноса. Каждое лингвокультурное сообщество, как было отмечено выше, имеет свои представления, образы, образующие концепт *свобода*.

Как показывает вышеприведенный анализ представления русских и арабов о норме свободы, в частности, в ее политическом и экономическом составляющих во многом совпадают. Исследуемый концепт имеет в двух языках одинаковые коннотации и ассоциации, что свидетельствует об интернационализации данного концепта.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать следующее:

1. Концепт *свобода* так сильно актуализировался в последнее время, что стал наиболее обсуждаемым вопросом во многих лингвокультурных сообществах;

2. Общим для всех значений лексемы *свобода* в двух исследуемых языках является сема «возможность жить и действовать без всякого рода ограничений»;

3. Концепт *свобода* с семантико-когнитивной точки зрения претерпел в последние годы большие изменения, обусловленные психологическими и ментальными ориентирами носителей двух культур, что расширило его семантико-синтаксические возможности;

4. Свобода в двух лингвокультурах концептуализируется как «нечто, которое приносит вред в больших «дозах», и тем самым, ее надо сузить, лимитировать, ограничить, контролировать»;

5. Свобода рассматривается как объект собственности – дается, передается, предоставляется, ею обладают, ею пользуются, за нее борются. Вот это набор предикатов, с которыми употребляется лексема *свобода* в двух языках;

6. Свобода в русском языковом сознании дается неким другим лицом, что соотносимо с арабской свободой, которая была издавна связана с волей «хозяина», а ныне с волей правителя;

7. Концепт *свобода* в двух исследуемых языках организует семантическое поле синонимов (воля, простор, независимость, выбор, демократия и т.п.) и антонимов (принуждение, стеснение, неволя, рабство, угнетение, запрет, зависимость и т.д.).

8. Концепт *свобода* толкуется русскими и арабами как отказ от сильной власти, а сама сильная власть – для представителей двух культур – антоним свободы.

9. Веденное в русскую лингвокультуру понятие «нормативная область свободы» для «регулируемого» степени свободы соответствует распространенным в арабской лингвокультурной среде понятиям «социальное окружение», «красные линии» и «рамки свободы».

Литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 28-37.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
4. Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний. – М., 1992.
5. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания, 1996. №2. – С. 3-29.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие/ В.А. Маслова. – М., 2004.- 296 с.

7. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1975.
8. Петровых Н. М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании / Н. М. Петровых // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – №24. – С. 207-217.
9. СД: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989.
10. СУ: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1996.
11. МАС: Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1981.
12. СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 1999.
13. ТСС: Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.
14. ТА: Тадж Аль-а`рус. – Каир, 1986 (на арабском языке).
15. МА: Мухтар Ассихах. – Бейрут.5-е изд., 1999 (на арабском языке).
16. ЛА: Лисану Аль-араб. – Бейрут, 1955 (на арабском языке).
17. АВ.: Аль-Муджам Аль-васит. – Каир: Академия арабского языка, Т.1- 1994. (на арабском языке).
18. АР: Джубран Масуд. Арраид. Современный лексический словарь. – Бейрут, 1992 (на арабском языке).
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб, 1996.
20. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М., 2001.
21. Абдулла Аль-Оруви: Мафхум Аль-Хурийя. – Касабланка, 1981 (на арабском языке).
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
23. Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода»: в кн. Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. Ред. Арутюно

Ашраф Мухаммед Аattia

Қазіргі уақыттағы когнитивті лингвистиканың негізгі концептілерінің бірі еркіндік концептісі болып табылады. Соңғы жылдары еркіндік концептісі семантика-когнитивті тұрғыдан қарағанда түрлі мәдениет өкілдерінің бағыттары психологиялық және ментальды жағынан үлкен өзгерістерге ұшырап, оның семантика-синтаксистік мүмкіндіктерін кеңейтті. Бұл мақалада орыс-араб ұғымындағы еркіндік концептісін білдіретін тілдік құралдарға сараптама жасалды.

Ashraf Mohammed Attia

One of the key concepts of cognitive linguistics, our time is the concept of freedom. The concept of freedom with the semantic-cognitive perspective has undergone in recent years, major changes related to psychological and mental orientations of carriers of different cultures, which has expanded its semantic and syntactic features. In this paper we attempt to analyze the linguistic means by which introduced the concept of freedom in the minds of Russian and Arabic.